

Царь-чернокнижник

Живал-бывал царь вольной человек, жил на ровном месте, как на скатерте. У него была жена, дóчи, да люди робóчи. Он был чернокнижник. Доспел он себе пир на весь мир, про всех бояр, про всех хресьян и про всех людей пригородных; собрались, стали пировать, и стал царь клик кликать: «Хто от меня, от царя уйдёт-упрячется, тому полжиться-полбытья, за того свою царевну замуж выдам, а после смерти моей тому на царстве сидеть». Все на пиру приумолкнули и приудрогнули. Выискался удалой доброй молодец и говорит царю: «Царь вольнѣй человек! Я могу от тебя утти-упрятаться». — «Ну ступай, молодец, прячяся, я буду заўтра искать, а если не уйдёшь-не упрячешься — голова с плеч». Вышёл молодец из царских полат, пошёл вдоль по городу, шёл, шёл, шёл, дошёл до проті поповой байны, думает в уме: «Куда же мне от царя утти-упрятаться? Зайду я в попову байну, седу под полок, в уголок, где жо меня царю натти?»

Стават царь-чернокнижник поутру́ рано, затопляет печку, садитса на ремещат стул, берёт свою книжку волшебную, начал читать-гадать, куда молодец ушёл: «Вышёл молодец из моих белокаменных полат, пошёл вдоль по улицы, дошёл до поповой байны, думает в уме: "куды жо мне от царя скрытця?"» ... (повторяется дословно все снова) ... «ступайте слуги, ищите в поповой байне и ведите суда». Побежали скоро слуги, прибежали в байну, открыли полок, молодец под полком, в уголку. «Здрастуй, молодец!» — «Здрастуйте, слуги царские!» — «Давай, ступай, тебя батюшко царь к себе звал». Повели слуги молодца к царю на лично, привели к царю, говорит царь: «Што не мог от меня утти-упрятатца?» — «А не мог, ваше царско величество». — «Не мог, надомно голова с плеч снять. Взял свою саблю вострую и смахнул у его буйну голову.

Этому царю што дурно, то и потешно. На другой день опять сделал пир и бал, собрал бояр и хресьян, и всех людей пригородных, розоставил столы и пировать стали, и опять стал на пиру клик кликать: «Хто от меня от царя уйдёт-упрячетця, тому полжиться-полбытья...» (и т. д. Выискался снова один молодец, условились, в таких же, как и прежде, выражениях.) Пошёл молодец, вышел из царских белокаменных полат и пошёл вдоль по городу, шёл, шёл, шёл, близко-ле, далёко-ле, низко-ле, высоко-ле, стоит превеличающей овин. Думает молодец: «Забьюсь я в солому, да в мекину,

где меня царь найдёт?» Забился и лежит.

Царь-чернокнижник ночью просыпал, поутру рано ставал, ключевой водой умывался, полотёнышком утирался, затопил свою печку, берёт свою книгу волшебну, садился на ремещат стул, начал читать-гадать, куда молодец ушёл: «Вышёл молодец из моих белокаменных полат»... (Повторяется всё по-старому, до снятия головы с плеч включительно).

Этим царям, што дурно, то и потешно: на третий день опять стал делать пир-собрание... опять выискался молодец. «Я могу от тебя утти-упрятатца, да только до трёх раз». Царь согласился. Вышёл молодец из белокаменных полат, пошёл вдоль по улице, шёл, шёл, шёл, овернулса горносталём-чернохвостиком и начал бегать по земле; и под всякой корешок и под всяку колодинку забиватчи, и бегать по земли; бегал, бегал, прибежал перед царски окошки, овернулса золотым буравчиком и начал кататца перед царскими окошками; каталса, каталса, овернулса соколом и, в которых полатах живет царевна — надлетел соколком перед ти окошка. Царевна соколка увидала, своё окошечко отпирала и себе соколка призывала: «Экой соколочок хорошей, экой соколочок прикрасной!» Сел соколочок на окошечко, скочил на пол, стал прекрасной молодец; царевна молоцца стречала, за дубовы столы сажала, пили, панкетовали, пировали и чего надомно поправлели; тогда молодец овернулса злачным перснем, царевна взяла, сибе на руку наложила.

Царь-чернокнижник ночью просыпал, поутру рано ставал, ключевой водой умывался... (повторение)... говорит слугам: «Идите, слуги, мою дочь ведите или перстень несите». Приходят слуги: «Звал тебя чарь на лицо». — «Для чего-де, пошто?» — «А сама нейдёшь, дак отдай перстень с руки». Царевна снула перстень с руки, отдала слугам. Приносят слуги перстень, отдали царю в руки: взял царь перстень, бросил через лево плечо, стал прекрасной молодеч. «Здрастуй, молодеч». — «Здрастуй, царь вольнэй человек». — «Ну я тебя нашёл, надомно голова с плеч». — «Нет, царь вольной человек, мне-ка еще два раза прятатца, так у нас было условьё». — «Ну ступай».

Пошёл молодеч из царской полаты, вышел на чистое поле, овернулса серым волком; бегал, бегал, рыскал, рыскал, по всей земли, овернулса медведем; шаврал, шаврал по тёмным лесам, тогда овернулса горносталём-чернохвостиком; бегал, бегал, совалса, совалса под колодинки и под корешки, прибежал к царским полатам, овернулса буравчиком; каталса, каталса перед царскими окошками, овернулса соколом и надлетел над окошки, где царевна живёт. Царевна соколка увидала, свое окошечко

отпирала: «Экой соколочок хорошей». Сел сокол на окошко, скочил на пол, стал прекрасной молодеч. Царевна молодца стречала, за дубовы столы садила, пили, пировали, панкетовали, чего надобно поправлели и стали думу думать, куда от царя утти-упрятатця, и придумали: овернутця ясным соколом, полететь дáлече-далéче, в чистое поле. Овернулса молодеч ясным соколом, царевна окошечко отпирала, сокола на окошечко посадила, соколу приговаривала: «Полети соколочок дáлече-далéче в чистое поле, овернись соколочок в чистое поле в семдесят семь травин и все в одну траву»...

Царь-чернокнижник ночку просыпал, поутру рано ставал, ключевой водой умывалса... (повторение)... говорит царь слугам: «Идите, слуги, в чистое поле, каку траву найдите, в беремё рвите, да всю ко мне несите». Пошли слуги, нашли траву, вырвали, принесли царю. Царь сидит на стули и выбирает траву; и выбрал траву, бросил через лево плечо, стал прекрасной молодеч. «Здрастуй, молодеч!» — «Здрастуй, царь вольной человек». — «Ну я тебя опять нашёл, теперь надомно голова с плеч». — «Нет, еще раз прятатця, послénни». — «Ну хорошо, ступай, я буду заутра́ искать».

Вышёл молодец из царских полат, пошёл вдоль по улице, вышел в чистое поле, овернулса серым волком, побежал; бежал, бежал, бежал, добежал до синёго моря, овернулса щукой-рыбой, спустился в синёе море; переплыл синёе море, вышел на землю, овернулса ясным соколом, поднялса высокóнько и полетел далекóнько; летел, летел, по чистому полю, увидел на сыром дубу у Маговой-птичи гнездо свито; надлетел и упал в это гнездо. Маговой-птичи на гнезде тою пору не было. После Маговой-птича прилетела и увидала — на гнезде лежит молодеч. Говорит Маговой-птича: «Ах какá невежа! прилетела в чужо гнездо, упала, да и лежит». Забрала его в свои кокти и понесла из своего гнезда; и несла его через синё море, и положила царю-чернокнижнику под окошко. Молодеч овернулса мушкой, залетел в царски палаты, потом овернулса кремешком и положилса в огнивчо.

Царь-чернокнижник ночку проспал, поутру рано вставал... (и пр. и пр. Царь читал по волшебной книге верно до тех пор, пока Маговой-птица взяла молодца из гнезда). «Подите слуги в чистое поле, пройдите чистое поле, синёе море в корабли переплывите, ищите сырой дуб, дуб рубите и гнездо отыщите, и молодца суда ведите». Пошли слуги, дуб срубили, гнездо отыскали, рыли, рыли, молоцца нет. Обратились к царю. «Нашли мы сырой дуб, гнездо было, а молоцца нет». Гледит царь в книжку, показыват книжка: тут, верно, молодеч. Наредилса царь, сам искать отправилса. Искал, искал, рыл, рыл, не мог натти. Заставил сырой дуб мелко выколоть и

на огонь склась, сожеччи. И не оставили не одной щепинки, и думает царь: «Хоть бы я молодца не нашёл, да штобы он на свете жив не был».

Оборотились во свое царство, живёт царь и день, и два, и три, потом служанка в утрях ставаёт и огонь доставаёт. Взела из огнива плашку и кремешок, положила трудóк, тюкнула плашкой через кремешок, кремешок вылетел из руки, улетел через левое плечо, стал прекрасной молодец.

«Здрастуй, царь вольной человек!» — «Здрастуй, молодец, ну нужно у тебя голова с плеч». — «Нет, царь вольной человек, ты меня три дня искал и отступилса, а теперь я сам евилса; теперь мне надо полжитья-полбытья и царску дочь зáмуж». И тогда царю делать нечего стало. Веселым пирком, скорой свадебкой стали за молодца дочь замуж выдавать; повенчалса с царской дочерью, стал царской зять, и дал ему царь полжитья-полбытья, а после смерти штобы на царстве сидеть.

(Рассказано Чупровым Алексеем Васильевичем)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.